

Молитва о бабе Зине

То ли чётки в руках, то ли бусы,
То ли шепот её, то ли крик,
Бабе Зине ноябрь улыбнулся,
Лучик света из тучи возник.

С новой силой под шарф проникая,
Обнимает ноябрь холодком,
И наотмашь – колючая капля,
И по нервам – убийственный гром.

Каждый день ощутимей предзимье,
И слышнее снарядов полёт...
Я тихонько шепну бабе Зине,
Пусть еще на земле поживёт.

Пусть погост, от войны ненасытный,
Простоит много лет без неё,
Пусть еще почитает молитвы
С бабой Зиной моё старичьё.

Пусть родные просторы ковыльи,
Словно бабий морщинистый лик,
Под окопы лопатой изрыли,
Превращая дорогу в тупик.

Оберегом, молитвой, крестом ли
Сохранить родниковую стынь...
Баба Зина поёт до истомы
Не убитую «градом» Псалтирь.

В этом городе

В этом городе всё по-особому,
Где промозглая серая стынь
Облаками над клёнами собрана,
И в туман погрузились мосты.

А мосты здесь особенно траурны,
Фонари – оригами из слёз,
Здесь аллеи украшены мрамором,
Здесь воюют ребята всерьёз.

В этом городе воздух особенный,
Звёздней небо, река холодней,
И пока до конца не угробили,
Есть дорога – мы ходим по ней.

Разве можно сравнить несравнимое?
Всех роднее – промозглая стынь.
Ах ты, Родина, сердцем хранимая,
Место Иверских чистых святынь.

Город мой

Город милый, тебя разве нет?
я ведь вижу дома и проспекты,
Хоть сегодня в лохмотья одет,
Но журить мне тебя некорректно.

Город мой, под наркозом стоишь,
И тебя отгрызают вживую,
Но идешь ты на передовую,
В небо синее, в звёздную тишь.

Город милый, ну как ты молчишь?!
Ни стенований, ни крика, ни воплей,
И не гнёшься от пули укропшей,
Только гордость и звёздная тишь...

Город мой, что там снова на передовой?
Ты не видишь? Ведь окна ослепли,
ты из стали и мужества слеплен,
Словно памятник. Значит, живой.

Зонт и форпост

Снова в волосах играет ветер —
капюшон накинуть недосуг,
сквер под фонарями будто светел,
будто тих, но вырвался из рук

старый зонт. Он был на всякий случай
взят, а вдруг сойдет дождем
не туман, — кусок холодной тучи,
кто с зонтом, — всегда предупрежден.

Только взрывы без предупреждений,
только смерть аллеями бредёт,
даты смерти, как и дни рождений,
под косу охашками гребёт.

Зимний ветер дует своенравно:
всё ему резвиться да шалить,
а прилет, от Кальмиуса справа,
словно смерти тоненькая нить.

В волосах запуталась дождинка,
ей бы покатиться по виску...
и, оставшись в центре поединка,
я до ливня простоять рискну.

Ливень здесь свинцовый и горячий,
то косой, а то наоборот,
и волос под капюшон не спрячешь,
Я не цель, я — выстроенный дзот.

Я — форпост, мой зонт кровит и стонет,
дождь смывает этот кровоток,
если выражаться попристойней,
к бесам капюшон! Где мой платок?

Только не платок, а плат Покрова,
словно Богородицы рука,
прикоснулась к ране, — я здорова,
и жива Донецкая река.

Я упрямо до утра стояла,
прижимая зонт к своей груди,
и под звёздным мёрзла одеялом,
вглядываясь, что там, впереди.

А к утру, рассеяв все туманы,
Кальмиус вздохнул и онемел:
Зонт, как пёс, зализывал мне раны
И тихонько от тоски ржавел...

Кальмиус

Повзрослели за восемь лет
Новорожденные малыши,
На вопросы – один ответ:
Был бы жив.

Попривыкли за восемь лет
Отчужденные визави,
А на просьбы – один ответ:
Не зови!

И стоят за отца и мать
Повзрослевшие пацаны —
Разве можно своих предать
псам цепным?!

Птицы в небе полёта ждут,
Им бы крылья расправить в срок —
За редутом горит редутом,
Где урок?

Но Донбасс до конца стоит,
Жилы рвёт, поднимая крест,
Тихий Кальмиус – мо-но-лит!
Новый Брест!

Городской блюз

Тонкой струйкой июль убегает в далёкую Лету,
Вот уже разлетелся сугроб тополиного пуха,
Я тебя узнаю, город мой, по широким проспектам,
Ты запомнил меня по молитвам, хоть слушал в пол-уха.

Где-то барды в кафешке поют полусонные блюзы,
И уходит в депо предпоследний Донецкий трамвай,
Я тебе, город мой, никогда не был лишней обузой,
Мы обнимемся крепко, ты радости мне пожелай.

Будет новых июлей и новых дорог миллиарды,
Будут новые рифмы и в Лету уйдет время Майя,
Только так же в кафе будут петь нам охрипшие барды,
И в депо торопиться последние ретротрамваи.

По Донецким проспектам гуляют рождённые дети,
Нерожденных здесь нет – это отзвуки прежней войны,
Пусть июльское солнце всегда одинаково светит,
И не нужно искать в небесах чьей-то смертной вины.

Тонкой струйкой июль убегает в далёкую Лету,
Вот уже разлетелся сугроб тополиного пуха,
Я тебя узнаю, город мой, по широким проспектам,
Ты запомни меня по молитвам, и слушай в пол-уха.